

1990-й. Конец января. Моя первая зима в Енисейске. Мы с Серёгой Шибистым вышли из здания, где располагался наш комплекс. Ещё одна смена позади. Как начали мы с ним ходить на дежурство в режиме «сутки через сутки» с 1 октября 1989-го, так до тех пор и ходили.

Ещё в аппаратном зале, одеваясь, Серёга повязал шарф так, чтобы прикрыть рот и нос, расправил клапана на своём полутораухе (форменная шапка-ушанка с одним удлинённым клапаном), подвязал их под подбородком и приподнял воротник шинели...

В Советской Армии форменная одежда была двухсезонная: зимняя и летняя. И та и другая разделялась на повседневную и полевую. А так как на дежурство в частях ГУКОСа¹ заступали в повседневной форме одежды, зимний вариант которой отличался от летней наличием тёплого белья, шинели, шапки и шарфа, приходилось в морозы её таким вот образом нарушать.

А в то утро, в 7.00, электронный термометр у начальника смены комплекса показывал -44 градуса.

Но это ещё не предел. Самая минимальная температура, которую мне пришлось испытать на своей «шкуре», -56 . Так что северную надбавку к денежному довольствию мы получали не просто так...

Ровно через четыре года, в 1994-м, когда я исполнял обязанности начальника отделения и был по должности ответ-

---

¹ ГУКОС – Главное управление космических средств министерства обороны СССР.

ственным за эксплуатацию основного технического здания нашего комплекса, ударили вот такие же морозы. Две с лишним недели температура наружного воздуха колебалась от -45 минимум до -29 максимум.

Чаши антенн были направлены в зенит. Командование понимало, что таких перегрузок механизмы вращения антенн просто не выдержат. И поэтому сеансы связи и управления спутниками проводились только в дневные часы, когда температура немного повышалась.

В один из таких дней на несколько часов встала котельная. Непривычно было смотреть на её высокие, из красного кирпича, трубы, из них не валил чёрный дым. И такая стояла тишина, будто всё вокруг вымерло.

Сразу похолодало и в квартирах, и в казармах, и в технических зданиях.

В нашем здании перемерзла «обратка» – труба, по которой вода, пройдя всю систему отопления, теряя температуру, возвращается в котельную.

Двадцать два чугунных радиатора отопления не выдержали и лопнули.

Мне приходилось находиться в здании до полного восстановления системы отопления. Рабочий день начинался так. Всё управление отдела собиралось в кабинете у начальника отделения «Базы» Юрия Шумкова, он тогда был за начальника отдела. Первым делом по стаканам разливался разведённый спирт. И только после приёма ставились задачи, решались вопросы, выслушивались предложения.

Систему отопления реанимировали через два дня. При помощи паяльных ламп внутри и костров снаружи отогрели «обратку», тыловики заменили радиаторы, повторно утеплили окна, все входы и выходы.

Параллельно выполняли задачи управления, то есть – проводили сеансы управления спутниками, бороздящими космическое пространство. Дежурить приходилось в бушлатах и шапках. А кнопки на пультах давить, не снимая рукавиц. В аппаратном зале, где мой расчёт нёс дежурство, температура за эти дни опустилась до +7, в соседнем – до +6, а в вентиляционной вообще было –2...

...Мороз пробирался под полы шинели, за шиворот, через рукавицы хватал за пальцы, и так отмороженные ещё в период моей срочной службы, щипал за нос и уши. Выйдя на бетонку, мы с Сергеем увидели на обочине следы, отпечатанные босыми ногами.

– Василич! – сдерживая дрожь, процедил сквозь зубы Серёга, кивая на следы.

Василич, как его уважительно называли в отделе, а для своих Клим, начальник нашей дежурной смены майор Климентьев Евгений Васильевич, успел уже с утрачка прогуляться босичком до «урагановского» передатчика и обратно.

Даже от того, что представишь эту картину, становится холодно. Ну, а если увидишь эту прогулку воочию... Б-р-р! Поэтому Василич старался «гулять» по снегу без посторонних глаз, чтобы не шокировать особо впечатлительных.

Навстречу нам из-за поворота вырулил УАЗик. Какому-то начальнику не сиделось в тёплом кабинете штаба. Судя по номеру УАЗик был из дивизионных. И точно – на переднем сиденье рядом с водителем восседал сам комдив – полковник Колесников. Его и без того мощная фигура была одета в белый овчинный полушубок (!), каракулевая папаха натянута на голову так, что едва виднелись мочки его ушей.

Машина поравнялась с нами. Я остановился и, приняв уставную строевую стойку, выполнил воинское приветствие. Серёга же, как шёл прямо, глядя перед собой, так и продолжал

идти, только для порядка махнул правой рукой, изображая строевой приём «выполнение воинского приветствия, начальник справа».

Комдив аж (предлагаю заменить на «даже») голову вывернул, поражаясь такой неслыханной наглости, но не остановился.

У Серёги характер-то не скандальный. Но за свои права, за друзей и «боевых» товарищей он бился, невзирая на лица, будь перед ним хоть начальник его расчёта, хоть даже сам командир дивизии.

И однажды поплатился за это.

Шибистые, втроём, жили в крохотной однушке на пятом этаже в одном подъезде с тем самым полковником Колесниковым. Комдив как-то собрал жителей подъезда и предложил произвести его ремонт силами жителей. Серёга, в свойственной ему манере, отказался, сославшись на загруженность на службе (на дежурство мы заступали с такой же периодичностью, как и зимой, и предыдущей осенью). Колесникову это не понравилось, и Шибистому вскоре «предложили» перевестись из нашей части «с глаз начальственных долой». В Сары-Шаган, в казахстанские степи. В «ссылку» старший лейтенант Шибистый поехал на майорскую должность. Ведь нет худа без добра, а вернее, мир не без добрых людей. В отделе кадров служил его «корешок», который и организовал такой перевод, подыскав Серёге эту вакансию...

Мы след в след прошли по узкой тропе через «поле чудес» (так в части называли пустырь посреди технической территории, на котором не было никаких военных объектов и зданий). Выйдя на бетонку, встретили знакомых ребят из соседнего отдела.

– Чего так укутались? – усмехаясь, спросил один из них, смахивая перчаткой иней с усов, – замёрзли что ли?

– Однако сорок четыре с утра было! – отпарировал Серёга, поправляя сползающий с его орлиного носа шарф.

– Так то с утра! Сейчас-то уже тридцать три! – ввернув в воздух палец, добавил второй.

– Потеплело! – облечёно сказал Серёга, отложил воротник шинели и расправил плечи...

На улицах было совсем не многолюдно. А те, кто всё-таки покинул тёплое жилище, передвигались настолько быстрее обычного, насколько позволяли их физические возможности, прятали носы за шарфами, тёплыми платками, варежками, перчатками и рукавицами. В ход уже пошли валенки и унты, шубы и дублёнки...

Пробежавшись по магазинам (кушать-то всегда хочется, мороз трескучий на улице или тропическая жара), я подошёл к двери своего подъезда.

На доске объявлений был прикреплён листок бумаги, на котором крупным жирным шрифтом было напечатано: «Отогреем». После «пробежки» я всё-таки немного продрог. И так хотелось оторвать от этого листка корешок с телефоном и позвонить.

Успокаивало одно: там, за металлической дверью на третьем этаже, в уютной квартире меня ждал не только горячий чай и вязаные тапочки, но и тепло душ моих близких...

